

ЧТО ДЕЛАТЬ С ДРАКОНАМИ

«Раньше об актерах ходили легенды, а сейчас — сплетни», — считает Александр Абдулов

Независимая газ. - 2001 - 6 окт. - с. 9 - 10.

Вера Камша

Ежегодно в Санкт-Петербурге писатели-фантасты вручают награду «Легенде фантастического кинематографа». На этот раз приз был вручен Александру Абдулову, он же Медведь из «Обыкновенного чуда» и убиенный Дракона сэр Ланселот.

АЛЕКСАНДР ГАВРИЛОВИЧ, как вы чувствуете себя в роли легенды?

— Будем считать это логически фантастическим завершением моих работ с Марком Захаровым. Я начал с «Чуда», закончил фильмом «Убить дракона», а после пришел к «Страннику».

— Вы снялись во всех захаровских фильмах, и первым был «Двенадцать стульев», а говорите, что начали с «Чуда»?

— Просто этот фильм стал настоящим началом моей жизни в кино. В те времена телевизор еще смотрели, картина прошла по первой программе, и наутро меня знали все собаки по всему Советскому Союзу. Сейчас актеру так не пробиться.

— Как вы считаете, Дракона можно все-таки убить? И вообще, что есть Дракон?

— Драконов следует убивать или, по крайней мере, пытаться это делать. Если заранее признать свое поражение, то по всему миру будет твориться то, что происходит у нас в Чечне, то, что мы все видели 11 сентября на экранах телевизоров. Это все проявление Дракона, и ему нужно что-то противопоставить. Я не знаю, что именно. Американцы собираются начать войну, но с кем? Фигурально говоря, с Драконом! Но сначала нужно определить, кто же Дракон, найти его и заставить принять бой.

Но что потом? Не превратятся ли драконоборцы в процессе войны в драконов? Боюсь, что превратятся. Убить огромного общего дракона можно, лишь убив собственного маленького. Дракончик сидит в каждом из нас. Кто-то его душит, кто-то сознательно выпускает наружу, а кто-то — серединка на половинку... Обо всем этом уже неоднократно говорилось, но это так и есть, ничего нового не придумаешь. Вещи Шварца во многом оказались пророческими. Я припоминаю, что был у меня там такой текст: «...надо попытаться начать думать. Это трудно, непривычно, но надо пытаться, пробовать...» Добавить мне нечего.

— После того как вы убили Дракона, произошло немало событий; по сути, мы живем в другой стране. Наверное, вы тоже в чем-то изменились?

— Когда много лет назад Жванецкого спросили, что для него значит перестройка, Михаил Михайлович сказал, что ему незачем перестраиваться, ведь он и раньше не врал. Так и я. Я служу своему делу, служу театру, служу кино.

Мне безумно нравится характеристика, которую дал мне какой-то большой чиновник, когда меня выдвинули на премию Ленинского комсомола. Этот мудрый человек произнес замечательную фразу: «Абдулову нельзя давать премию Ленинского комсомола. У него нездоровая популярность. Он не сыграл ни одного рабочего парня». И это действительно так... Я все больше по принципам да негодяям специализировался; никогда не играл секретарей партийной или комсомольской организации, никогда не шел «в ногу». Меня дважды снимали с Госпремии и с концертов к съездам партии. Так что я не могу сказать, что я меняюсь вместе со страной и генеральной линией.

Если говорить о моей жизни, то, конечно, смерть отца и гибель брата многое в ней изменили, но тут уж ничего не поделаешь, а что до профессии, то как я работал, так и работаю. Правда, сейчас у меня появилась возможность самому снимать кино, это радует.

— Как вы думаете, творческая вседозволенность, отсутствие цензуры, внешнего давления и так далее помогают или мешают?

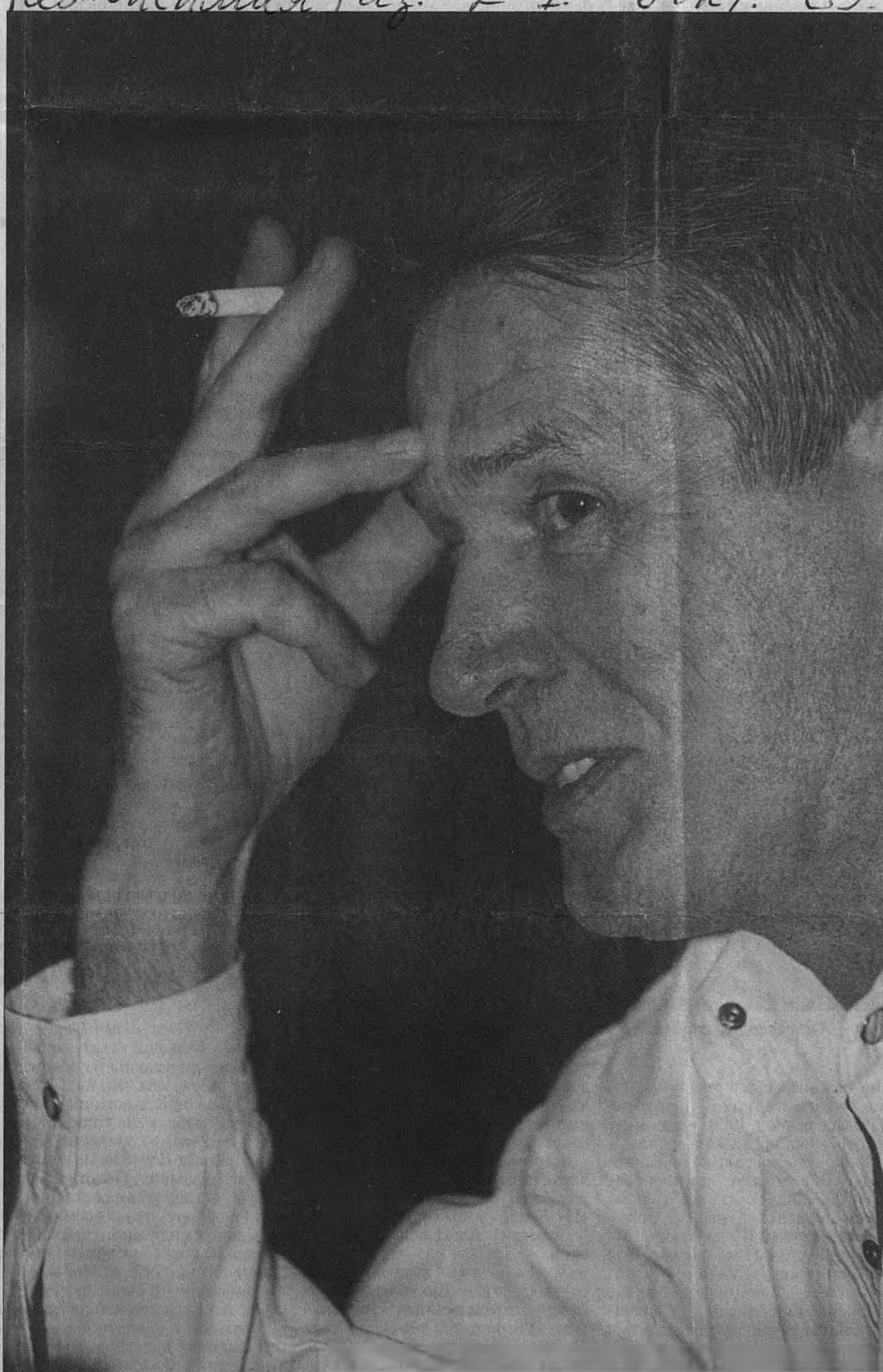
— Трудно сказать... Когда всем все разрешили, не появилось ни новой «Таганки», ни нового «Современника», ни нового «Ленкома»...

— Как вам кажется, почему?

— Наверное, это наши национальные особенности. Нам нужно сидеть на кухне, обсуждать власть и вздыхать, как все плохо вообще и в частности. Когда мы показываем фигу в кармане, то прямо-таки расцветаем от самоуважения и самовыражения. Это очень заметно, если сравнить наш театр и, к примеру, американский. Американцы не играют второго, третьего, четвертого плана, а только первый. Если у них говорят «я тебя люблю», то это и значит «я тебя люблю».

— А у нас разве не так?

— Только в порядке исключения. А так за «я тебя люблю» обязательно будет стоять квартира, машина, служебное положение и бог знает что еще, а сыграть простое человеческое чувство мы не можем. Нас так учили и приучили. Нас учили врать, учили скрывать истину, а нам хотелось все равно ее донести. Вопреки всему. И возникали намеки, намеки на намеки, подтексты и так далее. Когда на «Таганке» в не столь давние времена выходил Губенко и

Александр Абдулов, отрицающий славу и признающий известность. Фото Павла Корнеева

произносил «Народ безмолвствует», это воспринималось как Поступок. А что сейчас? Да, безмолвствует, во всех отношениях, куда ни глянь — и в театре.

— И выглядит это зачастую странно.

— Именно странно. Один замечательный артист дал актерам такой совет: «Не знаешь, как играть, — играй странно». Так вот сейчас многие норовят странно ставить и странно играть, соответственно и результат получается, скажем, странноватый. Когда видишь по телевизору, как Гамлет нюхает носки, становится грустно. Лично я на такой спектакль не пойду, но ведь находятся люди, которые идут, и критики, которые говорят, что это открытие, это шаг вперед, это новаторы...

— Веллер как-то заметил, что основной конфликт современного театра — это конфликт между режиссером и текстом пьесы...

— И он прав. Иногда мне кажется, что художник, чтобы сделать что-то действительно неординарное и талантливое, должен быть не то чтобы голодным, но в конфликте с кем-то или с чем-то. С человеком, с природой, с отдельными людьми, с правительством, с самим собой... Полностью благополучный человек, видимо, слишком спокоен, чтобы достучаться до других, он может только имитировать сильные чувства, делать что-то «странное». Ежи Коротковский на сей счет очень любопытно высказался. Дескать, выдающееся можно создать только на пике нездоровья, так как эталон здоровья — это корова. Зло, но что-то в этом есть.

Я учился у стариков МХАТа, и они рассказывали, что за неделю готовились к выходу на сцену, а сейчас вокруг сплошная суета. Раньше об актерах ходили легенды, а сейчас — сплетни. Мы стали маленькими. Все мельчаем и мельчаем, так скоро и до серых мышей дойдем...

— А где бездари чувствуют себя вольготнее — в кино или в театре?

— В кино. Там еще можно проскочить, но в театре все становится понятным сразу же. Ты вышел на сцену, и ты не станешь объяснять залу, кто у тебя друзья и сколько у них денег. Или ты три часа заставляешь людей плакать и смеяться, или нет. В театре не может быть ничего наполовину. Или ты как актер есть, или тебя нет.

— Но вы сами сказали, что всеобщая слава пришла к вам все же через кино...

— Мне не очень нравится по отношению ко мне термин «слава». Это слишком уж высокое слово, а я просто театральный актер. (Окончание на стр. 10)